

Ирина Шевченко

ЗАЛОЖНИК СИЛЫ

ТАМ, ГДЕ ГОРИТ СВЕТ

T8RUGRAM

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Ш37

Шевченко, И.С.

Ш37 Там, где горит свет / И.С. Шевченко. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2020. — 258 с. — (Фантастическая романтика).

ISBN 978-5-521-92801-9

Если бы она знала, чем это обернется, то, возможно, держалась бы подальше от Торговой слободы, не ходила бы с розами на набережную и не стала бы вытаскивать из заснеженного проулка истекающего кровью парня.

Если бы он знал — предпочел бы получить еще одну пулю, лишь бы не разминуться с этой девчонкой.

Сирота-цветочница и ловкий карманник — двое из разных миров. Но даже они сами не знают, насколько разных...

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92801-9

© Шевченко И.С., 2020
© Т8 RUGRAM, оформление, 2020
© Т8 Издательские технологии, 2020

Часть первая

ТАМ, ГДЕ ГОРИТ СВЕТ

ГЛАВА 1

— Здравствуйте!

Аптекарь поправил на носу очки и продолжил раскладывать монетки: серебряные листры в один столбик, медяки — в другой. В стороне сиротливо лежала потрепанная банкнота.

— Здравствуйте! — повторил тоненький голосок.

Старик поднял голову. Хотел сказать что-то нелестное тому, кто посмел ему помешать, но взгляд наткнулся на девчущку лет двенадцати, смущенно мнущуюся у прилавка: чистое, но почти до дыр застиранное платице, тоненькие русые косички, кроткие голубые глаза — на такую и голос повысить стыдно.

— Ты что-то хотела, милая? — вырвалось само собой.

— Мне... — Маленькая покупательница положила на прилавок медяк. — Пузырек касторового масла, пожалуйста.

— Касторового? — Аптекарь поглядел на запыхавшийся стеллаж. — Сейчас, сейчас...

Кряхтя, он приставил к полкам лесенку и взобрался на две ступеньки. Достал пузатую бутылочку темного стекла и сверил название на ярлычке.

— Вот, возьми.

— Спасибо. — Девочка присела в неловком книксене. — До свидания.

Какое милое дитя! Старик проводил ее взглядом и вновь обратился к столбикам монет. Серебряный показался ему несколько ниже...

— Держите ее! — Выскочил он на улицу. — Держите воровку!

Непонятно, к чему были эти крики: девочка не успела далеко отойти, и когда аптекарь выбежал следом, сама остановилась, растерянно озираясь по сторонам.

— Воровка! — визжал он, вцепившись ей в плечи. — Глядите, люди добрые, воровка!

Добрых людей подобным было не удивить, шли себе мимо, с ухмылкой поглядывая на покрасневшего от криков старика и перепуганную, готовую в любой миг разреветься девчонку. А вот недобрый люд насторожился: щипачи, промышлявшие на рыночной площади, не одного раззяву упустили, чтобы поглядеть, кто там отличился. А приметив, что подруга-то левая, ни под кем из трех царей не ходившая, свистнули кому надо. Загребут сейчас мелкую, краденое из кармашков вытряхнут, недельку на казённых харчах подержат, да отпустят, а там ее смотритель местный встретит — вот тогда и поймет, как без царского благословения в Торговой слободе промышлять. В лучшем случае еще всыплют да в учение кому отдадут. Только эту вряд ли: раз попалась, значит, не лежат ни душа, ни руки к тонкому воровскому делу. Тогда к мамке какой — хоть и малолетка еще, но с виду ладная...

— Жалко ее, — вздохнул Шут. — Дура же.

— Дура, — сплюнул через дырку в зубах Валет. — А дур не жалко.

Собралась толпа. Девчонку, ревущую уже взахлеб, заставили вывернуть карманы, обшарили всю, от косичек до сбитых башмаков. После кликнули толстуху Жюльену. Та завела мелкую в караулку и заставила раздеться догола: пацаны подсматривали с соседних крыш в окошко и улюлюкали на задернутые шторы. Вернувшись, пожалала плечами.

— Сколько хоть пропало, господин аптекарь?

— Кто его знает, — наморщил лоб старик. — Может, и не пропало ничего.

Бывает и так.

Народ стал расходиться, и скоро у дверей аптеки остался лишь сам торговец и заплаканная, нерешительно приминающаяся с ноги на ногу девочка.

— Я могу идти? — спросила она робко.

— Иди уж. — Старик махнул на нее рукой.

— А я... Я могу забрать масло?

Пузырек, чудом не разбитый в суতোлке, стоял на фонарной тумбе. Аптекарь посмотрел на него, на девчонку и молча ушел к себе.

— Пустышка, — вывел Шут. — Видно, старый Ганс всем считать разучился.

— Красиво работает, — прошептал одними губами Валет. Товарищ его не слышал, но вор к этому и не стремился.

Царям теперь девчонка неинтересна, но он решил проследить за мелкой. Так, из любопытства.

От аптеки Софи пошла в сторону почты. Не оглядывалась, по сторонам старалась не смотреть. Свернув за угол, зашагала быстрее, а когда и через квартал никто не окликнул, побежала. Щеки горели, дыхание сбилось... Люк, должно быть, уже проснулся и плачет. А она даже хлеба не успела купить — снова придется размачивать сухари.

Но ничего, скоро отъедятся на славу!

Девочка остановилась в тени пышного куста давно отцветшей сирени и откупорила бутылочку. Зажмурившись, отпила сразу половину. Ух и гадость!

— Животом мучишься?

Софи испугано обернулась на голос и увидела перед собой парня лет семнадцати. Тот лыбился во весь рот, демонстрируя отсутствие верхнего левого резца, а на смуглом лице насмешливо блестели яркие зеленые глаза.

— Что, денежку проглотила, боишься, сама не справишься? — спросил чужак. И вдруг подмигнул: — Не бойся, не вы-

дам. Только в слободу не ходи больше, второй раз цари чудес не потерпят.

Софи благодарно кивнула и со всех ног помчалась домой.

Миновав железнодорожный переезд и вырвавшись за пределы Торговой слободы, отрезанной от города с одной стороны черными полосками тянувшихся от речного порта к центральному вокзалу рельсов, а с другой — убранной под своды мостов рекой, девочка задержалась у заброшенной часовни. Поклонилась полустертому лику на стене, опустошила и забросила в кусты бутылочку, и нырнула в дыру в заборе. Через сад, по ночам охраняемый собаками, а сейчас совершенно пустой и тихий, добралась до высокой кованой ограды. Протиснулась между прутьями и, отряхнув платице, быстрым шагом пошла по ровной улочке мимо ухоженных домиков и зеленых палисадников...

Люка она услышала ещё от калитки. На счастье, проснулся он недавно и не успел испугаться. Лишь громко звал сестру, бродя по пустым комнатам.

— Я здесь, хороший мой! — Влетев в дом, Софи подхватила бросившегося к ней малыша. — В саду была.

В животе заурчало, и девочка спешно вернула братишку в детскую. Вытащила из-под стула коробку с игрушками.

— Посиди тут пока. Потом поедем и гулять пойдем... Если мне совсем худо не станет...

Иные дети в три года только и знают, что капризничать да хныкать целыми днями, но Люк был совсем не такой. Послушный, умненький. Скажешь: сиди, играй — и будет играть. Скажешь есть — поест. И добавки не попросит, потому что знает, что неоткуда этому счастью в их доме взяться. И спать ложился ровно по часам, и просыпался так же, почти минутка в минутку, иначе вряд ли она сегодня решилась бы уйти так далеко. И неизвестно, как бы они протянули следующие две недели. А то и три, пока пунцовая Кларисса распустится.

А теперь проживут!

Софи не гордилась тем, что сделала, но и угрызений совести не испытывала. Старого Ганса она выбрала не случайно: осенью, когда мама только-только заболела, Софи бегала в его аптеку — соседка присоветовала, мол, там подешевле. Тогда и заметила, как любит старик выкладывать на прилавок монетки и пересчитывать в отсутствие покупателей... А доктор после сказал, что дрянные были микстуры, не по рецепту сделанные, а то не запустили бы так обычную простуду...

Ганс ее не узнал. Во-первых, он и в очках дальше собственного носа не видит. А во-вторых, осенью Софи совсем не так на люди выходила: и шляпка у нее была, и плащик с пелериной — совсем как у взрослой барышни. И в платье, в котором в саду копалась, никогда не подумала бы за калитку ступить.

Плащ среди прочего она еще весной продала. Шляпку тоже. Из платьев, кроме этого, затертого, еще два оставила. В одном по лавкам ходила. В другом, голубом, с белым кружевным воротничком, — на набережную вечерами. Правда, за последнюю неделю ни разу его не надевала, не с чем было выходить: снежно-белая Маргарита уже отцвела, Кларисса лишь набирала бутоны, а других цветов по этому времени в саду не было. Поживут пока на аптекарские деньги, а к концу месяца можно будет снова забыть о нужде. Прогуливавшиеся по набережной молодые люди покупали розы с охотой. Люку, бывало, и просто так давали монетку. Потом приходилось отдавать треть заработанного кривой нищенке, но все равно оставалось достаточно, чтобы купить еды и не думать о завтрашнем дне.

Но недавно Софи поняла, что думать все равно надо. И не только о завтрашнем, но и о послезавтрашнем тоже. В доме уже не осталось ничего на продажу, а розы не могут цвести круглый год...

Когда Валет еще не был валетом, он был солдатиком, девяткой. До того еще полгода ходил семеркой или, как в колоде говорили, свояком. Но шутом-шестеркой Валет не был никогда.

А вот Шут дожил шутком до двадцати и, похоже, останется им до конца жизни.

— Манон, крошка моя! — надрывался он под закрытыми окнами. — Лапушка! Кисонька! Рыбка!

Привлеченные его криками зеваки останавливались и с улыбкой посматривали на востроухого парня в яркой красной рубашке, заправленной в широкие штаны, и в щегольских лакированных штиблетах. Польщенный их вниманием, Шут пригладил торчащие во все стороны льняные волосы и воодушевленно продолжил:

— Манон, малышка! Хватит дуться! Не верь сплетням: я никогда тебе не изменял, любимая!

В ответ на это заявление оконце над мастерской точильщика отворилось, и на мостовую полетел горшок с геранью.

— Ну, может, лишь раз! — признал проворно отскочивший в сторону белобрысый. — С Лизеттой. Но я тогда пьян был, почти ничего не помню. Это же не считается?

Вслед за цветочным горшком отправилась старая жестяная лампа.

— А, так ты имела в виду не Лизетту!

Заинтересованных прибавилось.

— Если ты о Катрин, то это было еще до тебя. Мы давно расстались!

Со звоном разбившаяся у ног пустая бутылка освежила память незадачливого любовника.

— Мы расстались, Манон! Честно. Но, возможно, я пару раз забывал об этом. Ты же знаешь, какой я рассеянный?

Кто-то хихикнул, ожидая очередного «подарка» от разгневанной красотки, но той стало жалко разбрасываться и без того скудным имуществом, и она соизволила выглянуть лично. На подоконник легла пышная грудь, надолго приковавшая к себе взгляды зевак, и лишь вдоволь налюбовавшись на соблазнительные округлости, те обращались взглядами к пылающему гневом лицу, несмотря на обозна-

чившийся второй подбородок и пухлые щеки, довольно милону.

— Крошка моя! — радостно выдохнул Шут.

— Кобель! — взвизгнула «крошка» — Все-то у тебя не считается! Ни Лизетта, ни Катрина. Жюли тоже?

— Эта — тем более! — храбро заявил парень.

— Почему? — заинтересовалась Манон.

— Мне не понравилось! — сообщил Шут во всеуслышание.

Валет втиснулся в уже немаленькую толпу свидетелей бурной размолвки. Задел кого-то плечом, извинился. Кому-то наступил на ногу, но на него только шикнули беззлобно: спор влюбленных был куда интереснее неуклюжего мальчишки.

— Милая, нупусти меня, — умолял белобрысый.

— И не подумаю! Видеть тебя не хочу!

— А ты не видь, лапушка. Закрой глазки и открой дверь.

— Убирайся!

— Но где же мне жить, кисонька?

— Где угодно! Пусть девки, что тебя ублажают, теперь тебя и кормят!

— Они кормят, рыбонька... Но жить-то мне где?

После такого Манон расщедрилась на еще один цветочный горшок.

— Значит, все кончено? — с тоской спросил Шут.

Зевак занимал тот же вопрос, но толстушка не снизошла до ответа.

— Ты разбиваешь мне сердце, Манон! — трагично возрыдал отвергнутый гуляка. — Может, ты дашь мне что-нибудь на память о нашей любви? Хотя бы... Хотя бы одну из своих юбок. Я сооружу себе шатер, чтобы не спать под открытым небом...

Дальше Валет не слушал. Выбрался из толпы, негромко насистывая, прошел вдоль рыночных рядов и свернул в пустой переулок.

Шут был плохим вором. Правду сказать, он вообще вором не был и к колоде прибился только потому, что у слободских так принято. Но он был хорошим шутом, и его представления неизменно собирали зрителей. А Валет не стал бы валетом к своим годам, если бы не ловкие пальцы и умение оставаться незаметным, даже будучи на виду. Каждый был талантлив по-своему, и когда доводилось работать в паре, добычу делили поровну.

— Тьен, погоди! — белобрысый нагнал приятеля уже у реки. — Ну, как сегодня?

— Нормально.

Улов Валет скинул сидевшему на перекрестке нищему. Тащить все с собой было небезопасно: жандармы в слободе прикормленные, но случалось, стопорили кого-нибудь из колоды — надо же было показать, что не зря форму носят. В кармане осталось лишь несколько монет да портсигар.

— Ух ты! — восхитился Шут, вне колоды становившийся просто Лансом. — Дай позырить.

— Руки! — прикрикнул Тьен-Валет. — Сам не насмотрелся.

Рассмотрел в мелочах с одного только взгляда, когда высокий, небедно одетый господин, которого непонятно каким ветром занесло на окраину города, вынул портсигар из кармана, но еще не насмотрелся. А вещица была занятная: серебро, чеканка, накладки из слоновьей кости в виде пышной розы.

Вор вытащил тонкую папироску, обнюхал, протянув под носом, и достал из кармана спички.

— Себе оставлю, — решил он, выпуская струйку дыма.

— Это ж месяц жизни! — попытался урезонить его Ланс, навскидку оценив товар.

— И так не бедствуем.

— Ты-то — да...

Валет подозрительно сощурился.

— Опять проигрался? — спросил сурово.

— Ну-у...